Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Женевский след Иосифа Бродского | La trace genèvoise d'Iosif Brodski

Автор: Жорж Нива/ Пер. Н. Сикорской, Женева , 24.05.2010.

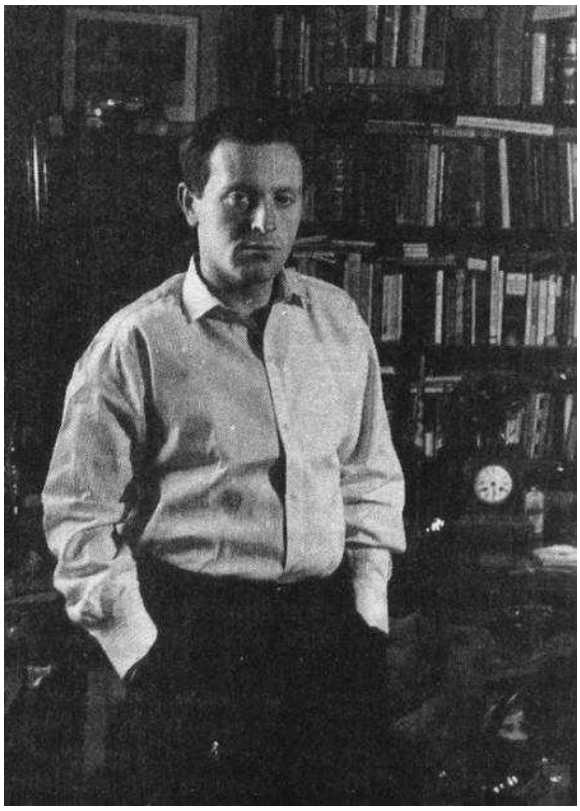
Иосиф Бродский (1940-1996)

24 мая выдающемуся поэту, лауреату Нобелевского премии Иосифу Александровичу Бродскому исполнилось бы 70 лет. Он неоднократно бывал в Женеве, и сегодня о нем вспоминает профессор Женевского университета Жорж Нива.

|

La trace genèvoise d'Iosif Brodski

Иосиф Бродский часто останавливался в Женеве. У него был здесь друг, брат, профессор античности Симон Маркиш. Именно ему мы обязаны несколькими появлениями поэта в Университете, многочисленными вечерами у Симона, а затем у меня, так как дружба оказалась заразной. «Гениальный Маркиш», говорил Иосиф, потому что Маркиш, ученик старого профессора Сергея Ивановича Соболевского (назначенного при Александре Третьем на кафедру классической филологии, затем смещенного, а потом восстановленного в должности, когда Сталин восстановит преподавание античности), был прекрасным переводчиком Плутарха,



Бродский в своей комнате в Ленинграде, 1965

знатоком Гомера, Виргилия и Овидия, изгнанного Овидия, с которым идентифицировали себя все русские поэты, начиная с Пушкина.

Одним словом, Маркиш привел Бродского к античности. И я до сих пор слышу его бас, прерывистый, ненатуральный, словно у дьяка в церкви, налагающий на музыку стихов другую, взмывающий в темное и глухое небо, декламирующий в пустой аудитории нашего Университета «Я покидаю город, как Тезей…»

Античность, античность греко-римская, но, в особенности, римская занимает большое место в поэзии Бродского: римское пространство, римское время, сотканное из вечности и деспотизма, это пространство и время Бродского. Путешествие в древность помогает ему перенести путешествие в тоталитаризм, на который обречены он и его поколение. Это земное препятствие (*impedimenta*) поэта, осужденного в 1964 году за тунеядство и ответившего на вопрос судьи, спросившего: «Кто сказал, что вы – поэт? Кто записал вас в поэты?» - «Никто! А кто записал меня в люди?»

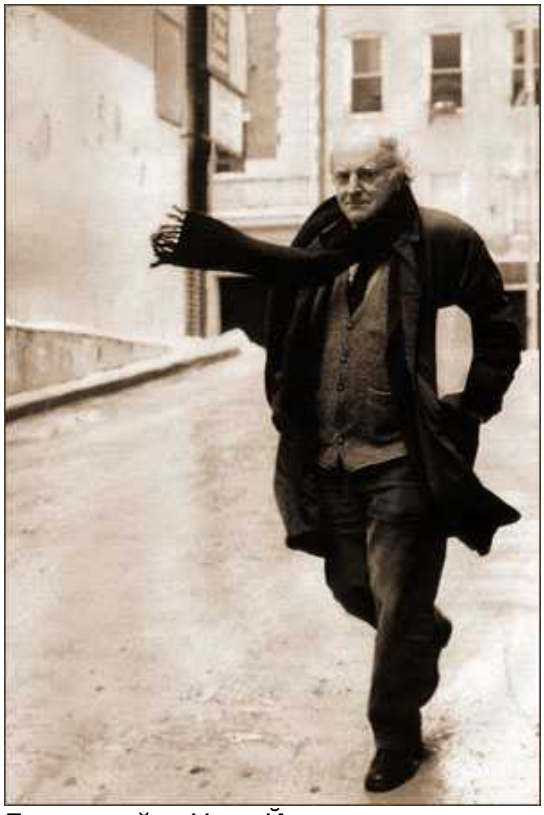
Впервые я увидел его в Цюрихе, затем в Женеве, у меня в Савойе, у моих родителей в Париже, в переполненных залах колледжа философии в Greenwich Village, где он

жил в подвале на улице Мортон, в Венеции, в которой он обожал искусственность и рыбный рынок. Везде он мерил шагами пространство, в Чайнатауне и на Дорсодуро.

Бродский в ссылке

Недавно Сергей Юрский сыграл роль отца Бродского в фильме «Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на Родину», снятый по небольшому трогательному тексту, который Иосиф посвятил своим родителям. После эмиграции он ни разу их не видел и даже не смог поехать на похороны. «Полторы комнаты»! Такова была мера пространства, в принципе, даже привилегия, которую советская власть выделила им в общей квартире бывшего дома Мурузи на Литейном. «Они все принимали как данность: систему, собственное бессилие, нищету, своего непутевого сына» (перевод с английского Дмитрия Чекалова, «Новый мир», 1995 - *НГ*), говорит этот сын тоном элегии, унаследованном от латинских поэтов Овидия, Проперция и Марциала. Он пишет элегию миру. Миру – лодке, нагруженной историей: из окна полутора комнат был виден Спасо-Преображенский собор и отнятые у врага тяжелые цепи и пушки, окаймляющие его поясом славы. Между военной славой России и коммунальной квартирой. На полпути между Тиберием и Зощенко…

Фильм Юрия Арабова и Андрея Хржановского – сентиментальная фантазия, основанная на том «надгробном послании», которое написал с чужбины Бродский на смерть (с разницей в шесть месяцев) своего отца и матери. Чудачество играет в нем большую роль, оно компенсирует явный – но всегда замаливаемый – трагизм родителей, оно нивелирует дьяконский голос поэта, доводимый до глухого *ostinato* на заднем звуковом плане, если можно так выразиться, как плохо различимая песнь насекомого. «Прости нас, Ося, - говорит в фильме мать. – Мы с отцом не понимаем твоих стихов…»


Бродский в Нью-Йорке

В фильме вы сталкиваетесь с пятью, шестью Бродскими. Маленький Иосиф, играющий с отцом в оркестр из вилок и ножей, Иосиф-подросток, приводящий, с серьезным видом Казановы, свою первую «победу» в те полкомнаты, которые он занимает у родителей – с этим прекрасным видом на Свято-Преображенский собор, придавшим его студенческим годам декор Каналетто. Иосиф в ленинградские вечера, Иосиф перед судьей, Иосиф, уже страдающий сердечной болезнью, но еще молодой в северной деревне Норенской, где он провел два года в ссылке. Иосиф во фраке, получающий Нобелевскую премию из рук короля. Иосиф пятидесятилетний, серьезно больной, воображаемый Иосиф, продолжающий прерванный ужин с родителями, за которым они рассказывают ему, как умирали, но мать (великолепно сыгранная Алисой Фрейндлих) обжигает вопросом: «А ты, как это случилось с тобой?». Фантасмагория всей советской эпохи, подавленной, но приглушенно возмущающейся, сотворившей этот необыкновенный голос Бродского поэта, поэта нового покорения мира.

То, что Бродский, раскрепощенный поэтический сын Ахматовой, обновил структуру русской поэзии, очевидно, но сказать только это недостаточно. Он соединил «части речи», он произвел огромную поэтическую проверку земных вещей, он создал волшебный треугольник нашей вселенной, помещенный между тремя фантасмагорическими островами: Санкт-Петербург, родной город и город-палач, Манхэттен, город-приют, в котором он знал все запахи и отбросы, Венеция, славный и хрупкий город, где он в итоге был похоронен, меж водами лагуны и позолотой дворцов, украшенных Веронезе и Тицианом.

Просто Бродский

Этот изгнанник знал, что цивилизации умирают, но выживают в искусстве и, особенно, в языке. Как и все величайшие русские поэты, он был прежде всего поэтом русского языка. Русского языка, способного вместить в себя плач иврита, всплеск и резкость английского, нюансы китайского, - и все это переплетено с русским, сшито нездешними золотыми нитями. Часто кажется, что Россия отсутствует в его творчестве, но это лишь потому, что она – везде: язык, невероятная словесная акробатика Бродского, высокое напряжение его рифм, нити вульгарности, вплетенные в эту тончайшую вышивку… Это Бродский, который, сменив империю и перейдя от Балтики к Тресковому Мысу, пишет изумительную «Колыбельную», где слышится и отлив на общественном пляже, и отзвуки Рэя Чарльза среди мусора, оставшегося после народного гулянья… Но сквозь все это пробивается далекий зов с той стороны океана, зов другой, покинутой, империи, той, откуда, вероятно, приплыла треска, просящая пить, ради Бога… Ведь и треска, и мыс в морской бесконечности – это зов одиночества и красота одиночества, мужества перед смертью. «Остановка в пустыне» - это памятник тому, что уже не существует, также, как Греческая церковь в Ленинграде, которую сломали, чтобы на ее месте построить концертный зал, и о которой помнят лишь собаки, по привычке задирающие лапы у воображаемой ограды.

Этруски воздвигали стелы, повествующие о жизни мертвых. Бродский, поэт,

Могила Иосифа Бродского на кладбище Сан-Микеле в Венеции

умерший в 50 лет, живет благодаря уколам своих стихов, этого плетенья в звуковом пространстве русского языка, памятника, воздвигнутого из горькой иронии и мужества перед пустым миром, перед стоглазым Аргусом. «Скелетной поэзией» назвал ее его друг, недавно ушедший поэт Лев Лосев. Да, но скелет вещей, излучающихся в элегиях Бродского, это мир, в котором при переходе от жизни к смерти не остается ничего, кроме остатка. Этот смещенный центр мира возвращает нас к основным его трагическим вопросам. Послушаем Иосифа Бродского, который еще молодым, молодым и дерзким, сорок лет назад задавал по-прежнему не дающие покоя вопросы:

К чему близки мы? Что там, впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?
И если так, то в чем наш общий долг?
И что должны мы принести ей в жертву?

От редакции. В заключение мы хотим напомнить читателям еще одно стихотворение Иосифа Бродского, посвященное Мигуэлю Сервету, еретику, сожженному в Женеве кальвинистами в 1653 году – мы уже рассказывали о его судьбе. Сам Бродский включил стих о Сервете в свое прижизненное Собрание сочинений, подписанное в печать в мае 1992 года.

СТИХИ ОБ ИСПАНЦЕ МИГУЭЛЕ СЕРВЕТЕ

Истинные случаи иногда становятся притчами.
Ты счел бы все это, вероятно, лишним.
Вероятно, сейчас
ты испытываешь безразличие.

Впрочем, он
не испытывает безразличия,
ибо от него осталась лишь горсть пепла,
смешавшегося с миром, с пыльной дорогой,
смешавшегося с ветром,
с большим небом,
в котором он не находил Бога.

Ибо не обращал свой взор к небу.
Земля — она была ему ближе.
И он изучал в Сарагоссе право Человека
и кровообращение Человека —
в Париже.

Да. Он никогда не созерцал
Бога
ни в себе,
ни в небе,
ни на иконе,
потому что не отрывал взгляда
от человека и дороги.
Потому что всю жизнь уходил
от погони.
Сын века — он уходил от своего
века,
заворачиваясь в плащ
от соглядатаев,
голода и снега.

Он, изучавший потребность
и возможность
человека,
Человек, изучавший Человека для Человека.
Он так и не обратил свой взор
к небу,
потому что в 1653 году,
в Женеве,
он сгорел между двумя полюсами века:
между ненавистью человека
и невежеством человека.

Иосиф Бродский
Женева
Женевский университет
Жорж Нива
Статьи по теме
Живьем на медленном огне…

Source URL: *https://nashagazeta.ch/news/culture/9856*